

Николай Никитин

Рец. на: Служилые люди Сибири конца XVI – XVIII века: библиографический словарь / Сост. И.П. Каменецкий, Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с.

Nikolay Nikitin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Sluzhilye liudi Sibiri kontsa XVI – XVIII veka: biobibliograficheskiy slovar'. Moscow; Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722040240, EDN: JBTUDO

Сибиреведам хорошо известны многочисленные печатные труды Д.Я. Резуна (1945–2012), который внёс огромный вклад в изучение прошлого зауральских земель. Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник и заведующий сектором феодализма Института истории Сибирского отделения РАН Дмитрий Яковлевич Резун зарекомендовал себя как глубокий исследователь комплексных проблем истории городов, торговли и купечества Сибири XVII–XIX вв. На закате дней важное место в его творчестве заняло сравнительное изучение русской колонизации Сибири и западноевропейской – Америки. Резун проявлял интерес и к ещё одной теме – истории служилого населения Сибири.

К 1980-м гг. произошли серьёзные сдвиги в подходе к «главному вопросу сибиреведения» – о роли различных социальных сил в присоединении к России зауральских территорий и первом этапе их освоения. Вместо доминировавшей в историографии с 1950-х гг. концепции, отводившей главную роль в этом процессе крестьянству (как «главной производительной силе феодального общества») и вольнонародной колонизации, в литературе всё более утверждалась точка зрения, согласно которой в продвижении российских пределов на восток

определяющей (или, по крайней мере, не меньшей, чем «простого народа») была роль государства, а главной и самой значимой фигурой в Сибири вплоть до конца XVII в. являлся служилый человек¹. Основывалось это мнение на большом объёме архивного материала, постоянно вводимого исследователями в научный оборот, и Д.Я. Резун с конца 1980-х гг. активно включился в его изучение и пополнение.

В первую очередь его заинтересовал ряд выдающихся представителей сибирского «служилого мира», оставивших яркий след в истории региона. Собранные о них сведения Резуну удалось мастерски обобщить в одной из книг². В рамках этой темы его более всего привлекли «экзотические» группы сибирского служилого населения – заброшенные волею судеб за Урал поляки, «литва», немцы и прочие выходцы из Западной Европы, которым он посвятил несколько отдельных работ³. Но они были лишь «видимой частью айсберга» того материала о служилых людях, которым располагал к концу жизни исследователь. Как выяснилось, он поставил перед собой амбициозную задачу: собрать, систематизировать и опубликовать содержащиеся в работах историков, документальных публикациях и архивных фондах сведения биогра-

фического характера о *всех* служилых людях Сибири XVII в.

Задача эта, конечно, оказалась неподъёмной для одного человека, но частично свои намерения Резуну реализовать удалось. В начале 2000-х гг. в разных изданиях вышли фрагменты составляемого им «Именного и биографического словаря» сибирских служилых людей⁴, однако основная масса уже собранного для этого словаря материала так и осталась в личном архиве историка и увидела свет уже после его кончины, в 2020 г., благодаря титаническим усилиям его учеников, прежде всего И.П. Каменецкого.

Книга объёмом 124 печатных листа содержит сведения о 20 тыс. представителей служилого сословия Сибири — с именами, биографическими данными и ссылками на источники, и уже сам объём этого издания производит впечатление и вызывает уважение к проделанной Резуном и его учениками работе. Содержание тоже не разочарует читателя: перед ним во всём разнообразии предстанет «служилый мир» Сибири, в который входили казаки и стрельцы, пушкари и затинщики, дети боярские и дворяне — те социальные группы российского общества, которые, по выражению выдающегося историка-архивиста Н.Н. Оглоблина, вынесли «на своих плечах всё дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти»⁵.

Подробную информацию о человеке того времени редко можно найти в сколь-нибудь компактном виде, и Резун собирал материал буквально по крупицам, используя, помимо работ историков, разнообразные источники — как опубликованные, так и архивные: «именные книги» сибирских гарнизонов, дозорные, переписные и таможенные книги, «актовый материал». По собственному опыту знаю, с какими трудностями на этом пути

сталкивается исследователь, и первая из них — слабое развитие канцелярских формальностей в Московском государстве XVII в.⁶, выражающееся, в частности, в поразительном разнообразии в написании и сочетании имён, прозвищ и фамилий одних и тех же людей, не позволяющем в ряде случаев произвести их убедительную идентификацию. Но Резун, судя по его картотеке, с этой проблемой в основном справился, и в результате мы имеем возможность ознакомиться с целой галереей интереснейших личностей, представлявших различные типы «покорителей» и «преобразователей» Сибири.

Материал этот, конечно, не равноценен и не равнозначен. Об одних лицах в «Словаре» содержатся сведения самого широкого спектра (о происхождении, местах проживания, социальном статусе, службе и карьерном росте, жалованье, хозяйственных занятиях и жизненных коллизиях, которые могли бы лечь в основу остросюжетного романа), а о других информация крайне скудна — лишь имя да «чин». Но в своей совокупности приведённые в картотеке Резуна данные интересны не только специалистам по ономастике, любителям занимательного чтения или генеалогических изысканий, но и исследователям важных проблем сибиреведения.

Остановлюсь лишь на одной из них, не самой сложной, но часто в последнее время обсуждаемой — об этническом составе сибирских гарнизонов. Общим местом в сибиреведении давно является мнение о полиэтничности сибирского «служилого мира», и оно имеет под собой основания. Определение «на государеву службу» всякого рода «иноземцев» было обычной практикой московского правительства, а Сибирь по причине своей отдалённости являлась удобным местом ссылки пленных, захваченных в пер-

манентных русско-польских и русско-шведских войнах. Ссылали за Урал и тех «иноземцев», которые, находясь на русской службе, попадали в опалу. Кроме того, в Сибири нередко верстали в стрельцы и казаки выходцев из народов Волго-Уральского региона, захваченных русской переселенческой волной, а также крестившихся представителей аборигенного населения.

Эти известные факты с недавних пор стали трактоваться некоторыми сибиреведами (включая Резуна) весьма оригинально. В их работах бездоказательно приводятся порой невероятные цифры численности за Уралом выходцев из Речи Посполитой и других западноевропейских стран — до 40–60% личного состава гарнизонов⁷, и делается заключение, что эти «иноземцы» оказали столь сильное влияние на менталитет русскоязычных жителей Сибири, что придали ему черты приверженности «ориентирам либерализма и гражданского общества» и тем самым содействовали превращению сибиряков в особый субэтнос⁸. Не берусь судить о том, насколько «либеральны» по своим взглядам были польско-литовские шляхтичи, их челядь, запорожские казаки и западноевропейские наёмники, оказавшиеся волею судеб на сибирской службе, и какое влияние они могли оказать на местное население (а оно, конечно, не ограничивалось служилыми людьми — к концу XVII в. большинство осевших за Уралом переселенцев составляли уже крестьяне), но численность выходцев из «западного порубежья» была Резуном и его единомышленниками явно завышена, о чём свидетельствуют и данные рецензируемого библиографического словаря.

На первый взгляд, «иноземцев» в нём действительно много — чувствуется увлечение Резуна прежде всего «иноземной» частью сибирского

воинского контингента. Но их «удельный вес» в общей массе персонажей его картотеки всё же не так велик, как можно было бы предположить, руководствуясь вышеприведёнными цифрами. Этническая принадлежность в «Словаре» указывается сравнительно редко, гораздо чаще о ней можно судить по фамилиям и прозвищам топонимического или этнического характера — «Немчин», «Поляк», «Устюжанин», «Москвитин». Об исчерпывающе полной картине при их систематизации говорить, конечно, не приходится: «иноземцы» в Сибири могли носить типично русские и этнически нейтральные фамилии и прозвища, многие сохраняли свои польские и даже немецкие (как правило искажённые на русский лад) фамилии, не имеющие «топонимического» и «этнического» звучания. У абсолютного большинства русских оно чаще всего отсутствовало, а кого-то из них могли называть «поляком» или, допустим, «турком» лишь потому, что они побывали в Польше или Турции. Тем не менее полагаю, что приблизительную картину этнического многообразия сибирских гарнизонов фамилии и прозвища «этно-топонимического» характера отразить могут.

В «Словаре» Резуна, по моим подсчётам, Черкашенов и Черкашениновых значится 65 человек, Немчинов, Немчиновых и Немцовых — 46, Литвинов и Литвиновых — 36, Венгерских, Венгриновых и Венгреных — 21, Угреных и Угреных — 13, Поляков и Поляковых — 10, Могиловцев — 4. Присовокупим к ним на всякий случай одного Русина и 12 Русиновых, которые могут быть связаны происхождением с одноимённой этнической группой Закарпатья. К выходцам с Запада можно условно отнести Иноземцев и Иноземцевых (10 человек). Итого в совокупности 243 человека, т.е. 1,2% от всех указан-

ных в «Словаре» лиц (20 тыс.). Сама по себе эта цифра, конечно, мало что означает: она приобретает смысл лишь при сравнениях.

Поэтому приведу данные о прозвищах и фамилиях, производных от названий городов и земель европейской части России. В «Словаре» 77 человек названы Казанцами и Казанцевыми, 68 — Устюжанами, 64 — Вяткиными и Вятчанами, 62 — Колмогорцами и Колмогоровыми, 51 — Вычегжанами и Вычегжаниновыми, 48 — Москвитиновыми, 38 — Астраханцами и Астраханцевыми, по 31 — Усольцами, Вязиными и Вязитиновыми, 29 — Каргопольцами и Каргополами, по 28 — Ярославцами, Мезенцами и Мезенцевыми, 26 — Вологжанами, 23 — Новгородцами и Новгородцевыми, 22 — Пинежанами, 19 — Тулениными и Тулениновыми, 18 — Тверитиновыми и Тверскими, по 17 — Вилегжанами и Галичанами, 16 — Костромитиными и Костромиными, 15 — Терскими, по 12 — Пустозерцами, Сысольцами и Сысолетинами, по 10 — Донскими, Кашинцами, Кашинцевыми и Тотменинами, по 9 — Калугиными, Муромцевыми, Суздальцами и Суздальцевыми, по 8 — Нижегородцами и Свяженцами, 7 — Поморцами, 6 — Хлыновскими, по 5 — Кайгородцами, Кайгородовыми и Кологривовыми, 4 — Арзамасцами и Арзамасовцами. По трое служилых были связаны фамилиями с городами Переславль, Темников и Чёрный Яр, по двое — с Псковом, Звенигородом и Заонежьем. Итого получается 867 человек, а это 4,3% от общего количества приведённых в «Словаре» Резуна персон.

Таким образом, соотношение служилых условно «западного» и «русского» происхождения выглядит как один к четырём, т.е. противоречит вышеуказанному мнению о численности лиц «польско-литовского» происхождения в сибирских гарнизонах.

Просмотр «Словаря» сквозь «призму ономастики» лишний раз подтверждает давний вывод историков о русском, преимущественно поморском и поволжском, происхождении большинства служилых людей Сибири.

Но, как отмечалось, служилые с нерусскими корнями были представлены в Сибири и другими (не «западными») народами, и сведения о них в рецензируемом «Словаре» не менее любопытны. В нём оказалось 50 человек с «южными» фамилиями и прозвищами, из них 21 — Гречаниновы, 20 — Волошанины и 9 — Турчаниновы. Помимо них упоминаются 193 человека с фамилиями и прозвищами хоть и не русского, но вполне «российского» звучания. Из них 64 человека — Зыряне и Зыряновы, 34 — Пермяковы и Пермитиновы, 18 — Татары и Татариновы, 10 — Калмаки и Калмаковы, 1 Мордвин, 1 Мордовцев, 2 Тунгуса и, наконец, 63 имели прозвище Новокрещен, а так обычно называли выходцев из сибирских аборигенов. Всего, таким образом, получается тоже 243 человека, но их крайне трудно причислить к представителям западной цивилизации.

Публикаторы картотеки Резуна вполне отдавали себе отчёт в том, что она не охватывает всего служилого населения Сибири XVII — начала XVIII в. Каждый, кто целенаправленно занимался теми же сюжетами, может этот список существенно дополнить. Досадно, что в нём не оказалось некоторых лиц, хорошо известных составителю (например, «иноземца» Саввы Француженина, которому он посвятил несколько страниц своей книги⁹).

Работу над «Словарём» прервала кончина автора, и её незавершённость, несмотря на все усилия его учеников, местами всё же ощущается. Не все имена из рукописной картотеки Резуна им удалось разобрать

и правильно прочитать. В «Словаре» немало лиц с неоправданно краткими «персональными данными». Например, на с. 576 читаем: «Михин Елешка Юрьев — енисейский стрелец с окладом 5 руб. (1637)». И о нём, и о многих других служилых, столь же кратко обозначенных в «Словаре», в «именных книгах» соответствующих городов можно без особого труда найти сведения как минимум ещё о хлебном и соляном жалованье, и не только за один год. Резун наверняка сделал бы это.

О том же свидетельствует наличие в его картотеке случайных лиц. И если некоторых из них (например, подьячего Ивана Беседнова или сторожа приказной избы Якунку Ворохобина) условно ещё можно отнести к служилым людям, то признать таковыми «жену казака» Феклицу или «казачьего сына» Андрея Грошевского — затруднительно. И тем более непонятно присутствие в «Словаре» персон, обозначенных лишь как «верхотурский житель» или «томский житель» (с. 523).

Вряд ли оправданно считать представителями разных фамилий Микифоровых и Никифоровых, Микитиных и Никитиных, Анисимовых и Онисимовых, Каргаполовых и Каргополовых и т.п. Явные родственники в одних случаях сгруппированы в «Словаре» в соответствующие кланы (например, Паламошные), а в других (например, Грозины) — перечислены отдельно друг от друга. В биобиблиографических словарях желательнее единообразие в подаче материала.

Эти и им подобные недоработки, конечно же, не умаляют значения рецензируемого издания для исторической науки. Представленный в нём материал достаточно репрезентативен, чтобы содействовать формированию верных представлений о месте и роли служилого населения в исторических судьбах Си-

бири. И не только её. Достаточно сказать, что из «Словаря» любознательный читатель может узнать малоизвестные подробности родословной столь значимых для истории нашей страны личностей, как выдающийся учёный-энциклопедист Д.И. Менделеев (с. 554), художник В.И. Суриков (с. 812) или авиаконструктор А.Н. Туполев (с. 864), ведь они являлись далёкими потомками сибирских служилых людей¹⁰.

И поскольку «мечтать не вредно», хочется надеяться, что на рецензируемом издании работа по сбору и систематизации биографических данных о сибирских служилых людях не закончится, и «Словарь» Д.Я. Резуна станет основой для будущей электронной базы таких сведений, созданной коллективными усилиями историков-сибиреведов. Да и о других категориях сибирского населения не лишне проявить соответствующую заботу, тем более что и здесь определённый задел уже есть. Стараниями Резуна и его коллег в 1990-х гг. была издана «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири», содержащая в том числе и биографические данные о сибирских купцах и предпринимателях¹¹. Так что у нас есть основания ожидать появления новых биобиблиографических словарей, охватывающих самые разные категории населения России.

Примечания

¹ *Никитин Н.И.* Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения // *Российская история.* 2014. № 3. С. 72–90.

² *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.

³ *Раев Д.В., Резун Д.Я.* «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // *Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.* Екатеринбург, 1993. С. 37–45; *Раев Д.В., Резун Д.Я.* О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. // *Сибирский плавильный*

котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 13–21; Резун Д.Я. Выходцы из стран Западной и Центральной Европы на русскую казачью службу в Сибири в XVII в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Материалы научной конференции. Новосибирск, 1996. С. 83–86.

⁴ Резун Д.Я. Именной и биографический словарь «немцев» в Сибири XVII в. // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 67–77; Резун Д.Я. Именной биографический словарь служилых людей // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 3. Новосибирск, 2000. С. 142–146; Вып. 5. Новосибирск, 2003. С. 184–194; Вып. 6. Новосибирск, 2004. С. 85–95 (в 1, 2 и 4-м выпусках аналогичные списки на основе картотеки Резуна составили его ученики И.Р. Соколовский и З.В. Башкатова).

⁵ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. М., 1900. С. 104.

⁶ Оглоблин Н.Н. Обзорение историко-географических материалов XVII — начала XVIII в., заключающихся в книгах Разрядного приказа. М., 1984. С. 26.

⁷ Цифру в 40% называет Л.В. Дмитриева (Дмитриева Л.В. Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI — начала XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Гер-

цена. Общественные и гуманитарные науки (философия). Т. 5. № 10. СПб., 2005. С. 301). Резун, утверждая, что «по некоторым данным», число «служилых польского происхождения... в XVII в. достигало 5–6 тыс. человек (Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 82), увеличивает эту долю фактически до 50–60%, ибо общая численность сибирских гарнизонов к концу XVII в. составляла около 10 тыс. человек.

⁸ Шерстова Л.И. Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 25–27; Аняньев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.В., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск, 2006. С. 192–193.

⁹ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 209–211.

¹⁰ Относительно А.Н. Туполева в «Словаре» Резуна таких указаний нет, но соответствующие доказательства приводятся другими исследователями (см., например: Бондарев Е. Сибирские корни авиаконструктора А.Н. Туполева // Отчёт Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». 2018. Тобольск, 2019. С. 473–487).

¹¹ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4 т. Новосибирск, 1994–1999.